

РАЗДЕЛ IV

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

УДК 316.347(571.151)

DOI: 10.32340/2414-9101-2020-3-79-83

Е. А. Ерохина, доктор философских наук
Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирский
государственный университет экономики и управления
(Новосибирск, Россия)
leroh@mail.ru

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ БОЛЬШОГО АЛТАЯ: СТАРЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Аннотация. На рубеже XX и XXI вв. отчётливо проявились социально-демографические тенденции, которые можно квалифицировать как коллективный ответ современного общества на глобальные вызовы: возрождение семейных и родовых форм самоорганизации, сохранение традиционных хозяйственных укладов, отказ от технократической составляющей модернизации, формирование неотрадиционных форм религиозного синкретизма. По авторскому предположению, сакрализация памяти является одной из возможных форм использования материального и нематериального историко-культурного наследия в преодолении коллективной травмы, вызванной модернизацией.

Ключевые слова: *Алтай, Центральная Азия, Сибирь, Республика Алтай, алтайцы, русские, модернизация, коллективная память, историко-культурное наследие, глобализация.*

Религиозная традиция остаётся фактором, обеспечивающим существование исторической памяти социальных сообществ. Социологической аксиомой является постулат о признании коллективной травмы как неизбежной цены, которую современное общество вынуждено платить за модернизационный переход [1]. Так или иначе, коллективная травма нуждается в коллективной рефлексии, если этническое сообщество пытается осмыслить свой коллективный опыт в длительной исторической перспективе.

Один из путей преодоления травмы — сакрализация отдельных событий и личностей, мест, связанных с их деятельностью, а также производство историй, воспоминаний, связанных с ними разнообразных интерпретаций. В результате такой коллективной работы персональные и событийные «фигуры воспоминаний» приобретают силу идентичности и традиций, мощь «локального авторитета» [2, с. 35]. Желанием поддерживать эмоционально-ассоциативную память со своим прошлым, опираясь в том числе и на религиозную традицию, обусловлена потребность коллективной памяти в позитивных для групповой идентичности архетипах «мы», включающих представления о героизме, жертвенности, доброте, патриотизме, солидарности [3, с. 120].

Отталкиваясь от этой идеи, мы будем рассматривать межэтническое сообщество Республики Алтай как подверженное глобализации социокультурное пространство, народы которого объединяет способность отвечать на её вызовы специфическим образом, используя культурные коды и социальные практики как часть наследия.

Республика Алтай (далее – РА) — субъект Российской Федерации, характеристиками которого являются трансграничность и полиэтничный состав. Как и всякий трансграничный регион, республика имеет определённые выгоды от трансграничного положения. Во-первых, следует указать на её значение с точки зрения географического выхода на все ключевые страны Центрально-Азиатского региона, на Казахстан, а через него и страны Средней Азии, на Монголию и на Синцзянь-Уйгурский автономный район Китая. Во-вторых, стоит отметить глубокие и разнообразные связи коренного населения Большого Алтая, историю войн и миграций, вхождения в состав разнообразных политических образований, влияние религиозных традиций, сходные практики обретения материальных ресурсов и статусных позиций местным населением, принципы включения и исключения в этнолокальные сообщества.

Алтай с древних времён был втянут в сети самых разнообразных культурных, экономических и политических контактов, о чём свидетельствуют археологические находки, а также письменные источники на древнетюркском, китайском и русском языках. Синтез внешнего и внутреннего, глобального и локального по настоящее время остаётся нервом повседневной жизни межэтнических сообществ региона, что вызывает интерес к исследованию влияния глобализации на религиозный ландшафт. Характерной чертой этого ландшафта является представленность в структуре населения русских как одной из доминирующих в демографическом отношении этнических групп, алтайцев и родственных им этносов, которые в постсоветских переписях регистрируются и как отдельные народы, и как включённые в состав алтайского этноса, казахов. Если казахи исповедуют ислам, то алтайцы и родственные им этносы исповедуют православие или бурханизм, что не мешает им сохранять язычество, связанное с почитанием предков и священных мест. Русские исповедуют православие, в том числе и старообрядческого толка.

С начала XX века коренные народы Алтая, также как русские и казахи, испытывают на себе давление мобилизационной модернизации. В широком смысле к таковой можно отнести не только административные реформы царского правительства, но и большевистскую модернизацию. Советская власть содействовала развитию местного самоуправления и транспортной инфраструктуры, медицины и образования, открыла возможность для политического самоопределения и преодоления неграмотности на основе специально разработанной для алтайцев письменности, создала условия для завершения интеграции народов Алтая в социокультурное пространство СССР.

Вместе с тем советский период оставил драматичный след в коллективной памяти народов Алтая процессами коллективизации, борьбой с религиозными культами, репрессиями против интеллигенции. Опыт коллективной травмы и совместное участие в борьбе с нацизмом в годы Великой Отечественной войны также, как геополитические катастрофы XVIII и события начала XX в., стали предметом коллективной рефлексии в начале XXI в.

На фоне постсоветских социокультурных трансформаций чрезвычайно насыщенная этноконфессиональная сфера жизни межэтнического сообщества республики стала привлекать внимание не только туристов, ищущих экзотики в поисках таинственного Беловодья или знакомства с шаманами, но также и исследователей: археологов, историков, социологов. Так, например, материальная составляющая наследия, запечатлённая во множестве археологических памятников, прямо вписана в природный ландшафт региона. В традиционной культуре, в том числе в религиозных верованиях коренных народов Алтая, наскальные изображения, каменные стелы и курганы подверглись сакрализации и стали местами поклонений наряду с природными объектами. И хотя утраченное в Средневековье древнетюркское письмо не могло выполнять функции трансляции коллективной памяти, эту роль на себя взяли родовая память и фольклор. По мере перехода к современности и дополнения традиционных институтов культурного производства в XX веке модернизированными, ориентированными на науку, союз знания и власти, «высокую культуру» на младописьменном языке, сакральное значение наследия приобрело новые измерения. С включением научных фактов в религиозно-мистический и мифопоэтический дискурс они становятся элементами иного по своему содержанию, иррационального способа познания действительности. Этому парадоксу в немалой степени способствовали популяризация научных знаний об истории региона

в советский период и дуализм светского (научного) и религиозного (мифологического) в коллективной памяти алтайцев.

В этой связи невозможно пройти мимо уникальности феномена Укокской принцессы, неповторимость которого обусловлена появлением не имеющего в традиционной культуре аналога возникновения сверхъестественной сущности как феномена духовной культуры народа из факта научного открытия. В 1993 г. на плато Укок сотрудником Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (далее – ИАЭ СО РАН) Натальей Викторовной Полосьмак и членами её экспедиции была сделана уникальная находка мумии пазырыкской женщины, известной ныне как принцесса Ак-Кыдын (Очи Бала). На мумии обнаружили одежду и сложную причёску, однако самым удивительным была сохранность множества нанесённых на тело татуировок. Все признаки свидетельствовали о статусном положении умершей в молодом возрасте женщины. Чтобы мумия, обнаруженная в слое вечной мерзлоты, не разрушилась в результате соприкосновения с агрессивной внешней средой, её извлекали из погребальной колоды постепенно, растапливая лёд водой.

После находки мумия хранилась в музее ИАЭ СО РАН, что вызывало недовольство алтайской общественности. С её стороны следовали обвинения в адрес новосибирских учёных в «вандализме» по отношению к алтайским святыням, якобы проявленном во время раскопок, а также требования вернуть в республику мумию, которая неожиданно была объявлена некоторыми из поборников репатриации предком современных алтайцев, «алтайской принцессой». Аргумент против признания уникальной находки частью историко-культурного наследия алтайцев, приводимый руководством Института археологии и этнографии СО РАН, заключался в том, что тюрки Южной Сибири не являются прямыми генетическими потомками пазырыкцев. Для защиты своей позиции в этом противостоянии алтайская общественность обратилась к доводам этического и юридического характера, усиливая их элементами религиозно-мифологического нарратива [4, с. 19].

Чтобы хоть в какой-то мере снять общественное напряжение, было принято решение о строительстве национального музея Республики Алтай и репатриации реликвии в новое здание с соответствующими, необходимыми для её хранения, условиями. В 2012 г. мумия обрела своё место в национальном музее, построенном усилиями «Газпрома». Однако в 2014 г. в Республике Алтай возник новый информационный повод, связанный с «принцессой Укок». Стало известно о сборе подписей в поддержку решения о её перезахоронении. В обосновании своей позиции сторонники инициативы опирались на мнение и авторитет «знающих людей», вступивших с ней в сакральный контакт. От них якобы стало известно о её желании вернуться на место прежнего упокоения.

В современной неомифологии Республики Алтай феномен Принцессы Укока играет важную роль. Так, например, серия стихийных бедствий, таких, как землетрясение 2003 г., или наводнение на Катунь в 2014 г., связывались с гневом Принцессы. В настоящее время вокруг этого символа сформировался круг адептов, отстаивающих идею её признания в качестве божества – прародителя алтайцев. её внешний облик и элементы татуировок обыгрываются в художественном творчестве, в том числе в профессиональном искусстве, соединяя научный, эстетический и религиозный нарратив в социальных действиях, имеющих политическое и этическое содержание.

В этом дискурсе примечательно соединение иррациональных по своей природе, религиозных убеждений с вполне светскими и рациональными этическими аргументами, такими, например, как право умершего на погребение и уважение к его личности. Имеют вес и аргументы, связанные с обычаями алтайцев. Так, например, в практике работы Национального музея Республики Алтай доступ посетителей к сакральному символу открыт только по определённым дням месяца. Его сотрудники считают, что в соответствии с утвердившимися в традиционной культуре алтайцев представлениями о влиянии лунных циклов на поведение человека, благоприятным для проведения различных мероприятий временем является период растущей фазы луны. В соответствии с этим спланирован график допуска посетителей к демонстрации экспоната, не допускающий визитёров в дни убывающей луны.

Тем не менее, споры об аутентичности той или иной религиозной традиции не прекращаются. Граница между сторонниками и противниками «старого» и «нового» толкования традиционной религии проходит, чаще всего, по поколенческому признаку. Так как в советский период традиционный способ передачи религии оказался пресечён, возрождение религии в постсоветский период началось одновременно из нескольких источников, связанных своим происхождением либо с местной традицией, либо с центрами влияния извне. В случае с мусульманской общиной это выражено наиболее заметно. Так, например, для многих молодых казахов, особенно тех, что получили исламское образование в учебных заведениях за пределами России, авторитет традиционных для Центральной Азии толков уступает авторитету «неиспорченного» ближневосточного ислама. Соответственно, авторитет местных религиозных деятелей, в большинстве слабо знакомых с арабским языком и исламской литературой на нем, может оказаться не столь значим для молодёжи в сравнении с их влиянием на старшее поколение казахов-мусульман, с которыми их сближает общая траектория жизненного пути: социализация в условиях светского атеизма позднего СССР и обращение в зрелом возрасте после его распада.

Подобного рода межпоколенческий надлом можно наблюдать и между представителями «молодого» и «зрелого» поколений алтайцев. Так, например, известным фактом является противостояние бурханистов старшего и молодого поколения по поводу объяснения землетрясения 2003 г. гневом «принцессы Укока». Пожилые бурханисты обвинили молодёжь в надуманности данной причины, аргументируя свою точку зрения научными фактами и собственным жизненным опытом, свидетельствующими, что землетрясения случались на Алтае и до 1993 года [5, с. 111].

Ни одна из религий не является монолитной. Необходимо указать на существующие между бурханистами разногласия по поводу того, считать ли бурханизм самостоятельной «алтайской верой» (национальной религией) или разновидностью буддизма [6]. Христианство также представлено множеством конкурирующих направлений. Помимо Русской православной церкви и старообрядческих общин, на Алтае осуществляют религиозную деятельность неопротестантские религиозные организации («Адвентисты Седьмого дня», «Свидетели Иеговы», «Христиане веры евангельской», «христиане-пятидесятники»). В регионе активно действуют последователи новых религиозных движений (НРД): необуддистов Карма-Кагья, церковей Сахаджа-Йоги, Кришны, Муна, Агни-Йоги, Тэнгри и др. [7, с. 43].

Таким образом, мы имеем дело с обществом развитого модерна, чертами которого являются свобода совести и индивидуализация. На это указывает широкий спектр действующих в регионе религиозных организаций. Собственные исследования автора позволили сделать вывод о том, что этническая культура народов региона транслируется через публичные социальные институты: СМИ (русские 55,5 %, алтайцы 34 %), школу (русские 70,5 %, алтайцы 59 %), литературные памятники (русские 64,3 %, алтайцы 52,4 %) ¹. Их совокупное доминирование над частными институтами воспроизводства этничности, такими, как, например, семья (русские 52,2 %, алтайцы 63 %), старшие родственники (русские 25 %, алтайцы 52 %) и коллектив сверстников (показатели по обеим группам ниже 5 %) дали возможность прийти к заключению об ориентации на профессиональные, экспертно-ориентированные институты коммуникации в процессе трансляции знаний о собственной этнической культуре [8, с. 207]. Это подводит нас к выводу о том, что религиозный ренессанс вполне совместим с модернизационным проектом.

¹ Опрос в Республике Алтай 2007 г. проводился методом непропорциональной стратифицированной выборки, где в качестве страт выступали этнические общности. Объект исследования – учащая молодёжь – старшеклассники и студенты средне-специальных и высших учебных заведений. Массовый опрос осуществлялся в городской и сельской местности (г. Горно-Алтайск, Усть-Канский и Усть-Коксинский районы Республики Алтай). Опрос проведён по репрезентативной по полу, возрасту, месту проживания выборке среди 625 молодых людей старше 14 лет, из которых 272 русских и 290 представителей коренных народов Алтая или алтайцев (алтай-кижи, телеутов, тубалар, кумандинцев, челканцев, теленгитов, шорцев); некоторые результаты изложены в монографии [8]. Исследование проводилось в рамках экспедиционного проекта Президиума СО РАН «Евразия» как метафора российской цивилизации в общественном сознании россиян (на примере народов Республики Хакасия и Республики Алтай).

Список литературы

1. Штомпка, П. Социальное изменение как травма : [ст. первая] // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
2. Серто, М. По городу пешком // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 2. – С. 24–38.
3. Ерохина, Е. А. Коллективная память в этническом самосознании горноалтайской молодежи // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 115–120.
4. Плетц, Г. Международное значение репатриации «Укокской принцессы» (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами?) / Г. Плетц, В. И. Соёнов, Н. А. Константинов, Э. Робинсон // Древности Сибири и Центральной Азии. – 2014. – № 7. – С. 17–45.
5. Кнорре, Б. К. Современный алтайский шаманизм в контексте национальной религиозной политики Республики Алтай // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История, Филология. Культурология. Востоковедение. – 2016. – № 12. – С. 89–114.
6. Тадина, Н. А. Два взгляда на бурханизм у алтай-кижи // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. 16. – № 4. – С. 159–166.
7. Хвастунова, Ю. В. Некоторые методологические аспекты исследования религии (на примере религиозной ситуации в Республике Алтай) // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 356. – С. 42–44.
8. Ерохина, Е. А. Этническое многообразие в цивилизационном и геополитическом пространстве России. – Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2014. – 240 с.

Elena A. Erokhina, Dr. of Philosophical Sciences
Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia)
leroh@mail.ru

**ETHNIC AND CONFESSIONAL LANDSCAPE OF THE GREAT ALTAI:
OLD TRADITIONS AND A NEW RELIGIOSITY**

Abstract. Some obvious social and demographic tendencies appeared on the cups of the 20th and 21st centuries can be considered as the modern society's collective response to global challenges; among such trends: resurrection of a family and tribal forms of social organization, mass return to ethnically driven economic set-up, a protest against cruel technocratic pressure entailed by modernization processes, and uprising of religious syncretism. On the author's guess, giving people's memory a status of a sacral thing is one of possible method to involve tangible and intangible cultural heritage for overcoming collective trauma caused by modernization.

Keywords: *Altai, Central Asia, Siberia, the Altai Republic, Altaians, Russians, modernization processes, collective memory, historical and cultural heritage, globalization.*

УДК 281.96(571.15)“18”:327.58

DOI: 10.32340/2414-9101-2020-3-83-92

Л. Н. Мукаева, кандидат исторических наук, доцент
Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия)
larnika777@yandex.ru

**«ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ГЛАСНЫМИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ»:
ИСТОРИЯ ПРИНЯТИЯ БЕГЛЫХ СТАРООБРЯДЦЕВ АЛТАЯ
В РОССИЙСКОЕ ПОДДАНСТВО В КОНЦЕ XVIII В.**

Аннотация. Рассмотрены обстоятельства восстановления в конце XVIII в. южно-алтайскими старообрядцами (субэтническая группа сибирских староверов), известными в научной и краеведческой литературе как *бухтарминские* и *уймонские раскольники-каменщики*, политико-правовой